

425

ОУ ЕТ LA SOCIAL-DEMOCRATIE.

par G. Artemieff.

Prix : 40 cms. ; 4 d. ; 8 ets. ; 40 hell. ; 30 Pf. ; 15 коп.

Г. АРТЕМЬЕВЪ.

ТОЛСТОЙ

и

СОЦІАЛЬНАЯ ДЕМОКРАТИЯ

НЕ ВЪ СИЛЪ БОРЪ,
А ВЪ ПРАВДЪ

Издание „Свободного Слова“.

№ 84.

A. Tchertkoff.

Christchurch, Hants, England.

1903.

EUGEN DIEDERICH'S VERLAG
SEPARAT-COMTO, LEIPZIG

Отъ Редакціи „Свободнаго Слова“.

Эта брошюра, напечатанная въ Швейцаріи на средства автора, была предложена намъ для включенія въ число нашихъ изданій, чтò мы и исполняемъ съ удовольствіемъ, не находя въ ней ничего противного нашимъ взглядамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ очень сочувствуя многимъ содержащимся въ ней мыслямъ.

Г. Артемьевъ.**ТОЛСТОЙ**

И

СОЦІАЛЬНАЯ ДЕМОКРАТИЯ

Отвѣтъ на статью Г-на Поссе:

„ГРАФЪ ТОЛСТОЙ И РАБОЧИИ НАРОДЪ“.

„Ученіе экономической науки, которому, хотя и не вникая въ подробности его, слѣдуютъ всѣ, считающіе себя просвѣщенными и передовыми достаточными людьми, представляется при поверхностномъ взглядѣ либеральнымъ, даже радикальнымъ, заключая въ себѣ нападки на богатые классы общества, но по существу ученіе это въ высшей степени консервативное, грубое и жестокое.

Л. Н. Толстой, Рабство нашего времени.

„Толстой стоитъ въ сущности слишкомъ высоко, чтобы какой бы то ни было судъ могъ его оправдывать или осуждать“...

Поссе въ № 10 „Листковъ Жизни“.

437.

ТОЛСТОЙ
и
СОЦИАЛЬНАЯ ДЕМОКРАТИЯ

Въ концѣ прошлаго года я прочелъ въ Женевѣ отвѣтный рефератъ на рефератъ г-на Пессе: „Графъ Толстой и рабочій народъ“. Мѣсяца три тому назадъ вышла въ печати статья г-на Пессе подъ тѣмъ же заглавіемъ, и о которой г. Пессе заявляетъ въ Предисловіи, что она представляетъ изъ себя „почти дословное“ воспроизведеніе его реферата. Не стану обѣ этомъ спорить съ г-номъ Пессе, скажу только, что отъ одного слова часто зависитъ смыслъ цѣлыхъ предложеній*), и что мнѣ пришлось бы значительно переработать свой рефератъ, чтобы выпустить его въ свѣтъ какъ отвѣтъ на статью г-на Пессе. Но я уже скоро годъ какъ пишу книгу, въ которой разсчитываю подробно разобрать какъ теоретическія основы марксизма, такъ и тактику соціальной демократіи, а за этою книгою имѣю еще въ виду посвятить Толстому особый трудъ; поэтому я и разсудилъ по нѣкоторомъ колебаніи, что эти задуманныя мною сочиненія, изъ которыхъ первое появится, при благопріятныхъ условіяхъ, не позже года, — совершенно избавляютъ меня отъ непріятной необходимости полемизировать съ г-номъ Пессе въ печати по поводу

---

*.) Напримеръ, въ статьѣ г-на Пессе оговаривается уже о своей статистикѣ, что это „шутка“.

его статьи и того, на мой взглядъ, вульгарного пониманія марксизма и отношенія къ Толстому, которымъ для меня исчерпывается ея содержаніе и значеніе. И разсудивши такъ, я бы оставилъ статью г-на Пессе вовсе безъ отвѣта, если бы г-нъ Пессе не счелъ нужнымъ вступить со мною въ предисловіи къ ней въ личную полемику, причемъ допустилъ въ передачѣ моихъ мыслей *поглощенню* такія неточности, исправить которыхъ побуждаетъ меня не только любовь къ истинѣ, но и самолюбіе. Такъ, напримѣръ, г-нъ Пессе приписываетъ мнѣ слѣдующую мысль: „Почему бы Толстому не писать царю, разъ нравственная его личность такъ высока, что онъ можетъ любить даже царя,“ — а между тѣмъ, я въ такой связи вовсе ничего не говорилъ о высокой личности Толстого, а сказалъ приблизительно слѣдующее: Есть люди, ненавидящіе царя и какъ царя, и какъ человѣка, и присягающіе ему; и есть люди, любящіе царя не какъ царя, конечно, а какъ человѣка, считающіе возможнымъ писать ему, но не присягающіе ему. Спорить о томъ, что приличнѣе, — нечего, это дѣло личнаго взгляда. Можно только поставить вопросъ о томъ, что правильнѣе; г-нъ же Пессе возмущался только внѣшними приемами поведенія Толстого, и тѣмъ самыемъ лишилъ меня возможности отвѣтить ему что либо по существу. — Теперь я могу прибавить къ этому еще вотъ что: Въ статьѣ г-нъ Пессе поставилъ вопросъ о правильности поступка Толстого и разрѣшилъ его въ томъ смыслѣ, что въ стремленіи Толстого повлиять на царя чувствуется ложь, такъ какъ нельзѧ помирить этого стремленія „съ постоянными и вполнѣ справедливыми утвержденіями Толстого, что отъ царя и его министровъ ничего хорошаго ожидать нельзѧ“. Тутъ г-нъ Пессе въ своей категоричности сильно уклонился отъ истины, такъ какъ никогда и никогда Толстой не утверждалъ ни о дарѣ, ни о комъ бы то ни было, что отъ него нельзѧ

зя ожидать *ничего* хорошаго. Напротивъ, всегда Толстой утверждать какъ разъ обратное, — что „кто скажетъ брату своему „рака“ (прощай), тотъ подлежитъ геенѣ огненной“. Г-нъ Поссе отказался отъ обсужденія того письма Толстого къ царю (о духоборцахъ, просящихъ разрѣшенія отправиться въ добровольную ссылку въ Сибирь за своими мужьями), которое было напечатано въ „Листкахъ Свободнаго Слова“ (1901 г., № 23), и *которое я прочелъ на свое мѣсто рефератъ*, — и отказомъ этимъ призналъ самъ, что есть вещи, о которыхъ можно писать царю и которыхъ можно отъ него ожидать. Можно было ожидать отъ царя Александра II освобожденія крестьянъ безъ земли (Герценъ даже ожидалъ — съ землею), можно ожидать отъ царя Николая II многихъ уступокъ современному общественному мнѣнію Россіи и Европы, но, конечно, не того, что онъ откажется отъ престола, отберетъ землю у помѣщиковъ и возвратить ее крестьянамъ и т. п. А мы не знаемъ, о чёмъ писалъ Толстой Николаю II, и потому не суди въ этомъ дѣлѣ. Г-нъ Поссе удачно пользуется тѣмъ, что содержаніе письма Толстого неизвѣстно, даже самое его существованіе не можетъ быть установлено, т. к. по его же собственному разсказу Николай II обѣщалъ никому его не показывать (другими словами, поясняетъ г-нъ Поссе, избавить Толстого отъ непріятныхъ послѣдствій). И если дѣйствительно такъ терпимъ оказался Николай II, отъ котораго, по мнѣнію г-на Поссе, нельзя ожидать ничего хорошаго, то тѣмъ болѣе г-нъ Поссе, отъ котораго, мнѣ кажется, можно было ждать всего хорошаго и тактичнаго, не долженъ былъ объявлять Толстому Высочайшаго выговора за письмо, котораго онъ *не можетъ никому показать*.

Дальше: Г-нъ Поссе не понимаетъ, какъ можно любить царя и министровъ (*t. e., желать имъ добра, нравственнаго движения*), — это его дѣло, но, вѣдь,

никогда непониманіе не считалось доказательствомъ. И, главное, зачѣмъ онъ ссылается при этомъ на Христа? Того, кто на крестѣ молился за своихъ мучителей, *не въдаютъ бо, что творяты*, не „покоробило“ бы, обращеніе Толстого къ царю, какъ къ брату.

Г-нъ Пессе считаетъ ненависть къ царю, которую онъ смышиваетъ съ нравственнымъ возмущеніемъ *его положеніемъ*, — хорошимъ, благороднымъ чувствомъ и какъ бы въ отвѣтъ Толстому печатаетъ въ концѣ его обращенія „Къ рабочему народу“ стихотвореніе какого то Слесаря, которому хочется „унижающихъ унизить, обижающихъ обидить, весь вашъ міръ возненавидѣть“. Вотъ какъ вкусы бываютъ различны, — меня коробить отъ такихъ чувствъ, какъ нѣкогда Герцена и его товарищей покоробили слова чешской пѣсни; „Упьюсь же я кровью мадьяровъ и нѣмцевъ“. Но это слесарь, человѣкъ темный, г-ну же Пессе, при его образованности, слѣдовало бы, прежде чѣмъ ссылаться на свои чувства, провѣрить и оправдать ихъ разумомъ: онъ долженъ знать, что еще Демокритъ считалъ обидчика несчастнѣе обижаемаго, и если онъ не согласенъ съ этимъ положеніемъ, въ признаніи которого сходятся всѣ истинные мыслители всѣхъ эпохъ и странъ, то пусть онъ его опровергнетъ серьезнымъ разсужденіемъ, а не трагическими восклицаніями. Пусть онъ докажетъ намъ, что прогрессъ общества опредѣляется не выработкою все болѣе незлобливыхъ, любовныхъ формъ отношенія къ врагамъ личнымъ и общественнымъ, — именно къ врагамъ, — къ дальнимъ, а не ближнимъ — а ростомъ озлобленія, мстительности и грубости обращенія. А пока онъ не доказалъ этого, какое значеніе имѣютъ его ссылки на Слесарей и Мастеровыхъ? „Этотъ несчастный классъ людей, затрачивающій свои лучшія силы на борьбу съ физическою нуждою, заслуживаетъ.... состраданія,.... если онъ не пробуждается еще къ свѣту истины. Но такое

оправданіе не подходитъ къ тѣмъ, которыхъ болѣе счастливая участъ освобождаетъ отъ ига необходимости, которыхъ дѣлаетъ рабами ихъ чувственность, ихъ собственный выборъ и склонность... Нужно мучиться для мудрости, а они не могутъ этого^(*)).

Вѣдь, дѣло въ чёмъ? Для Толстого братъ значить человѣкъ, какъ нравственная личность, любить значить желать добра, т. е., желать, чтобы любимый человѣкъ дѣлалъ другимъ то, чего онъ желаетъ себѣ, и пересталъ дѣлать другимъ то, чего онъ не хочетъ, чтобы ему дѣлали. И если Толстой желаетъ этого и высказываетъ это Николаю II, то онъ, конечно, сопоставляетъ себя съ нимъ, какъ человѣка съ человѣкомъ. Но г-нъ Поссе сопоставилъ Толстого съ Николаемъ II, какъ двухъ самодержцевъ, и еще удивляется, что я и часть публики были этимъ возмущены. Тутъ нѣтъ ничего удивительного. Не это удивительно, а то, какъ г-пъ Поссе, восторгаясь героизмомъ русскихъ дѣвшукъ, которыхъ въ тюрьмахъ подвергаютъ себя голодовкѣ ради уголовныхъ преступниковъ, въ то же время негодуетъ на Толстого за то, что Толстой, неизвѣстно о чёмъ, но доброжелательно за говорилъ съ Николаемъ II. Это удивительно, потому что непослѣдовательно: съ одной стороны любовь и самопожертвованіе ради уголовныхъ преступниковъ, а съ другой — ненависть къ Николаю II, какъ будто онъ не такая же жертва современного строя, не такой же обманутый, загубленный для истинной жизни человѣкъ.

Переходя теперь къ статистикѣ-шуткѣ г-на Поссе, скажу, что онъ довольно правильно передалъ только часть моихъ возраженій ему, именно, что „за исходный пунктъ нужно было взять цѣнность продуктовъ,

^(*)) Л. Н. Толстой, Царство Божіе и т. д., изданіе Елицина, 1893, стр 186. — Эта цитата служитъ также возраженіемъ на пристрастное изображеніе г-номъ Поссе отношенія Толстого къ высшимъ и низшимъ классамъ. См. также „Ц. Б.“, стр. 131 — 136 и особенно Рабство нашего времени, стр. 71 — 72.

а не число рабочихъ, занятыхъ въ томъ или другомъ производствѣ". Я, положимъ, сказалъ не „чѣнность продуктовъ“, а „число рабочихъ часовъ, поглощаемыхъ данною вѣтвью производства“. Но это почти все равно. Я сказалъ, между прочимъ: „г-нъ Пессе привелъ намъ цифру рабочихъ на пушечныхъ заводахъ въ Германиѣ, — цифра была относительно ничтожная, но пусть бы онъ вычислилъ процентное отношеніе военнаго бюджета всѣхъ странъ ко всему ихъ бюджету, — и вышло бы нѣчто совершенно иное“. По мнѣнію г-на Пессе, „это замѣчаніе было бы справедливо, если бы я (т. е., г-нъ Пессе) писалъ ученое произведеніе о современномъ производствѣ; мнѣ же (т. е., г-ну Пессе) нужно было доказать наивность утвержденія Толстого и толстовцевъ, что работа фабричныхъ не нужна, что они — паразиты, что они производятъ лишь вредныя, ненужныя вещи“.

Возраженіе болѣе, чѣмъ странное, граничащее съ признаніемъ, что г-нъ Пессе въ своихъ доказательствахъ преслѣдовалъ цѣли, совершенно иные, чѣмъ тѣ, которыя, предполагается, ставить себѣ авторъ какого нибудь „ученаго произведенія“. Г-ну Пессе, значитъ, важно было не установить истину о современному производствѣ, а доказать наивность Толстого, и для этого онъ изобрѣлъ свой „ненаучный методъ“, состоящей въ томъ, чтобы выводить изъ статистическихъ данныхъ не то, что выводится изъ нихъ въ „ученыхъ произведеніяхъ“ (а еще Толстого упрекаютъ въ презрѣніи къ наукѣ!), а то, что было нужно г-ну Пессе?

Что жъ, доказалъ ли, во всякомъ случаѣ, г-нъ Пессе то, что ему было нужно? Нѣть, конечно; и это потому, что ни Толстой, ни „толстовцы“ не утверждаютъ, что работа рабочихъ ненужна, что они производятъ вредныя вещи. Работа рабочихъ очень нужна — капиталистамъ, и „вещи“, которыя они производятъ, очень полезны — для богачей, — противъ

этого Толстой никогда не спорилъ. Онъ только утверждаетъ (наивный человѣкъ!), что работа рабочихъ ненужна имъ, рабочимъ, и что они производятъ вредные себѣ, рабочимъ, предметы. Для того, чтобы опровергнуть это, г-нъ Пессе долженъ былъ намъ показать, что все, что рабочие ни дѣлаютъ, они дѣлаютъ, сообразуясь со своими потребностями, и что все это достается имъ, а не ихъ хозяевамъ. Я указывалъ уже на это г-ну Пессе въ своемъ рефератѣ. Тамъ значится дословно слѣдующее (и я могу это доказать, т. к. я не импровизировалъ свой рефератъ, а читаль его и рукопись его хранится еще у меня) : . . . , Всѣ доказательства г-на Пессе сводятся къ тому, что только ничтожный процентъ труда тратится непроизводительно. Является вопросъ, куда же уходитъ та прибавочная стоимость, которую загребаютъ себѣ капиталисты; неужели все на пріобрѣтеніе полезныхъ предметовъ, и если да, то на пріобрѣтеніе кому полезныхъ предметовъ? . . . .

. . . , Г-нъ Пессе доказываетъ намъ, что въ Германии большинство рабочихъ занимается очень хорошими дѣлами, какъ то: плотничествомъ, постройкою домовъ, печей и т. д. Это очень можетъ быть, но спрашивается: для кою они всѣмъ этими занимаются? О плотникахъ мы уже читали у Каутского*): это они готовятъ мебель на всякий вкусъ и на всякую моду. А какъ обстоитъ дѣло съ домами и печами? Есть у самихъ рабочихъ порядочные помѣщенія и печи? Опять тотъ же Каутский отвѣчаетъ намъ на это вотъ что:

„Крестьянскія избы пустѣютъ, ихъ обитатели тянутся въ городъ и здѣсь нуждаются въ новыхъ помѣщеніяхъ.... А рядомъ съ пустѣющими избами вырастаютъ виллы и отели, биткомъ набитые нѣсколько-

*) Въ книгѣ противъ Бернштейна. Ср. также Kapital, I, 410.

ко недѣль въ году и стоящіе пустыми все остальное время“.

„Дома Ньюенгейстъ въ свою очередь указалъ на тотъ фактъ, что тѣ жалкія лачуги, въ которыхъ ютится бѣднѣйшая часть городовъ, рабочіе, — дѣло рукъ самихъ рабочихъ, воплощющее доказательство ихъ недостаточной солидарности. То же можно сказать и о фальсификаціи различныхъ родовъ пищи, и о тѣхъ дешевыхъ, преимущественно бѣдняками покупаемыхъ предметахъ необходимости, которая, при современной конкуренціи изготавляются рабочими же на фабрикахъ изъ завъдомо негодныхъ матеріаловъ. Г-нъ Поссе можетъ быть и не найдетъ всего этого въ своей статистикѣ, и все же бесполезно спорить о томъ безспорномъ фактѣ, что большинство фабричныхъ издѣлій или вовсе недоступно рабочимъ, или ненужно имъ, или же, если нужно, то недоброкачественно. Такъ же безспорно и то, что всѣ эти фабрики и заводы, поставляя предметы роскоши для богачей и тѣмъ способствуя всѣмъ ихъ безумнымъ затѣямъ, въ то же время разоряютъ крестьянское населеніе страны и доводятъ его до той степени нужды, которая гонитъ ихъ на эти фабрики и вынуждаетъ ихъ въ свою очередь служить всѣмъ прихотямъ празднаго меньшинства и разорять то трудолюбивое крестьянское большинство, отъ которого они только что оторвались“.

„Спорить обо всемъ этомъ не имѣть смысла“, — продолжалъ я въ своеемъ рефератѣ, полагая, при своей „толстовцамъ“ наивности, что г-нъ Поссе, прежде, чѣмъ спорить, пойметъ и запомнитъ то, что ему возражали. Но г-нъ Поссе рѣшительно все забылъ, и теперь лукаво спрашиваетъ меня же: „Сталь можетъ пойти на пушки и плуги. Вредное это производство или полезное?“ — „Полезное, отвѣчу я, если рабочіе знаютъ, что производятъ сталь только на плуги, и не позволяютъ лить изъ нея пушки. А если рабочіе производятъ, не вникая въ то, что они про-

изводять, и для чего, пассивно повинуясь нуждѣ и тому, что имъ вздумаютъ приказать ихъ хозяева, то что бы они ни произвели, пушки или ячмень, — все это будетъ несомнѣнно вредно и имъ и всему человѣчеству“.

И пусть г-нъ Пессе не возражаетъ на это, что все это аристократическая проповѣди, жалкія поученія на бумагѣ, бессильныя передъ логикою вещей, что рабочіе вынуждены повиноваться по своему тяжелому материальному положенію, что они не могутъ побороть въ себѣ нравственного порабощенія, обращающаго ихъ въ безвольныя орудія производства предметовъ, — не тѣхъ, которые признаютъ полезными они и вообще весь рабочій народъ, а тѣхъ, которые вздумается производить ихъ хозяевамъ. Пусть онъ не говоритъ, что „здесь виноваты не рабочіе, производящіе духи и ленты, а весь современный строй, покоящійся на товарномъ производствѣ и частной собственности, съ его классовымъ характеромъ, съ его неизбѣжнымъ (*sic!*) милитаризмомъ и т. д.“ Ложь этого возраженія (въ основѣ его лежитъ своеобразная „теорія стадій“, по которой человѣкъ чѣмъ сильнѣе, тѣмъ добрѣе, — *grosses gens, bonnes gens*) — слишкомъ очевидна для всякаго честнаго мыслителя, который, жалѣя рабочій народъ, въ то же время не хочетъ ни льстить ему, ни оскорблять его.

Г-нъ Пессе видитъ оскорблѣніе рабочихъ въ указаніи Толстымъ того *факта*, что нравственность ихъ часто падаетъ съ повышеніемъ материального благосостоянія, а самъ однимъ росчеркомъ пера декретируетъ неспособность рабочей массы къ какому бы то ни было нравственному отпору современнымъ условіямъ жизни, потому что ихъ материальное благосостояніе недостаточно высоко для этого. Онъ отрицаєтъ даже *возможность*, противоположную той *дѣйствительности*, которую рисуетъ Толстой. Но если правда то, что рабочая масса сама неспособна ни къ ка-

кому нравственному отпору раньше, чѣмъ измѣняются окружающія ее условія, то почему г-нъ Пессе думаетъ, что рабочіе вообще могутъ бороться съ вѣшними условіями, и что это они уже вызвали нѣкоторыя перемѣны въ нашей жизни и вызовутъ современемъ еще большія?

Это стремленіе — и оправдать рабочихъ во всемъ злѣ современности, — въ товарномъ производствѣ и неизбѣжномъ милитаризмѣ, въ которомъ рабочіе „не виноваты“, хотя и поддерживаютъ его трудомъ, а часто и насилиями рукъ своихъ, — и въ то же время приписать *ихъ* усилиямъ, *ихъ* борьбѣ всякой поворотъ жизни къ лучшему — проистекаетъ, можетъ быть, изъ самыхъ чистыхъ и благородныхъ побужденій состраданія и уваженія къ темному труженику; но нельзя не признать, что оно ведетъ къ утвержденіямъ самымъ произвольнымъ и противорѣчивымъ. Вѣдь нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, смотря по надобности, то, какъ ярый материалистъ, ссылаясь на орудія производства, — единственные двигатели истории, — то, въ порывѣ идеалистической восторженности, читать панегирики нравственнымъ доблестямъ и мужеству пролетариата. Г-нъ Пессе возмущается словами Толстого, назвавшаго *жалкими* признанные соціальными демократами приемы классовой борьбы, какъ то: стачки, законодательство въ парламентахъ и т. п. (О рабочемъ законодательствѣ Толстой еще въ „Царствѣ Божиемъ“ сказалъ, что это только заботы о томъ, чтобы рабы не умерли съ голода и были въ силахъ работать*). Но, вѣдь, эти слова Толстого — только неизбѣжный логическій выводъ изъ всего ученія политической экономіи, и для того, чтобы не замѣтить его, нужна всесторонность г-на Пессе, увѣряющаго насъ, съ одной стороны, что рабочіе не могутъ успѣшно бороться съ современнымъ строемъ,

---

* См. Ц. Б., стр. 135 — 136 и 194.

потому что онъ неизбѣжень, съ другой стороны, что рабочіе успѣшно борются съ современнымъ строемъ, какъ это видно изъ англійскаго рабочаго движенія. Кому видно? Все, что г-нъ Пессе сообщилъ намъ объ исторіи англійскаго рабочаго движенія, относится вовсе не къ борьбѣ рабочихъ съ *капитализмомъ*, но къ борьбѣ ихъ съ нѣкоторыми злоупотребленіями зарождавшагося капитализма. А, вѣдь, это далеко не одно и то же. — „Законодательство спасаетъ рабочихъ отъ вырожденія“ — восклицаетъ г-нъ Пессе. — Ну, конечно! Это зналъ уже Марксъ.*¹) Но что это значитъ? — Что было бы, если бы рабочіе выродились? Было бы то, что законъ политической экономіи, по которому цѣнность рабочей силы равна издержкамъ ея производства и ея воспроизведенія оказался бы ложнымъ. Но въ какомъ строѣ справедливъ этотъ законъ? Въ капиталистическомъ. Значитъ, если бы рабочіе выродились, то выродился бы и капиталистический строй, а не „культурное человѣчество“, какъ наивно думаетъ г-нъ Пессе, и потому законы о рабочихъ спасаютъ *не ихъ однихъ* отъ вырожденія. Вѣдь, въ этомъ мысль всего „Капитала“! Въ доказательство того, что движутъ міромъ не идеи, но законы политической экономіи, Марксъ развертываетъ передъ нами исторію Англіи, где въ началѣ нашего столѣтія царствовалъ безраздѣльно и безапелляціонно Бентамъ съ его теоріею свободной конкуренціи и *laisser faire*. И что же? Идеи *laisser faire* преклоняются передъ требованіями дѣйствительности и уступаютъ мѣсто фабричному законодательству, потому что правящіе классы (*а не рабочіе*) сами не понимали законовъ капиталистического производства, пока жизнь не научила ихъ, что нужно заботиться о рабахъ, чтобы они не вымерли и были бы въ состояніи

---

*¹) См. Das Kapital, 4-te. Auflage, Hamburg, Meissner, 1890 — S. 266, Anm. 200.

работать. И это все, пожалуй, вѣрно и не подлежитъ сомнѣнію. Но возникаетъ еще дальниѣйшій, самый интересный вопросъ: *Могутъ ли стачки быть признаны приемомъ не только классовой борьбы, осуществляющей законы капиталистического производства въ капиталистическомъ обществѣ, но и разрушающей капиталистический и созидающей новый свободный строй силой?* На этотъ вопросъ уже брюссельскій конгрессъ Интернаціонала (въ 1868 г., т. е., годъ спустя посль появленія „Капитала“) отвѣтилъ отрицательно: „Стачки не могутъ быть признаны средствомъ, способнымъ вполнѣ освободить рабочаго“ А Фридрихъ Энгельсъ въ своемъ предисловіи ко второму изданію „Положенія рабочихъ въ Англіи“*) сообщаетъ намъ тотъ очень поучительный фактъ, что изъ десяти стачекъ, затѣваемыхъ англійскими рабочими, „девять вызываются самими же фабрикантами въ своемъ собственномъ интересѣ и какъ единственное средство ограничить производство“. И еще больше свѣта на „борьбу“ рабочихъ съ капиталомъ проливаетъ тотъ ясный и неподлежащий сомнѣнію и перетолкованію фактъ, что восьмичасовой рабочій день, за который рабочие всячески и въ общемъ безуспѣшно боролись со временемъ Овена, теперь уже вводится на отдѣльныхъ фабрикахъ ихъ владельцами, которые поняли, наконецъ, что онъ и имъ выгоденъ. Однимъ словомъ, какъ справедливо замѣтилъ еще Марксъ, фабричное законодательство вовсе не враждебная капитализму сила, а такое же произведеніе капитализма, какъ хлопчатобумажные ткани и электрический телеграфъ. 1)

Классовая борьба рабочихъ съ капиталистами до сихъ поръ только утверждала законы капиталистического строя, а не нарушила ихъ, и нѣтъ основаній ожидать, что со временемъ утвержденіе перей-

*) Die Lage etc. — Stuttgart, 1892, — S. XIX.

(1) См. Kapital, I, 446.

деть въ отрицаніе. Съ восьмичасовымъ днемъ въ наши дни происходитъ то же, что съ работою малолѣтнихъ въ Англіи въ 40 годахъ нашего столѣтія. Фабрикантамъ казалось тогда, что съ запрещеніемъ этой работы рушится ихъ благосостояніе, а потомъ они сами же были довольны. И потому Толстой болѣе, чѣмъ вправѣ, назвать все это жалкою борьбою, даже съ точки зрѣнія конечной цѣли соціализма. Знаю, — г-нъ Пессе возражаетъ на это, что въ процессѣ классовой борьбы крѣпнетъ классовое сознаніе пролетаріата, развивается духъ солидарности. Но единственный ли это и лучшій ли способъ будить духъ солидарности? И достаточна ли *та* солидарность, которая возникаетъ такимъ путемъ, не только для ниспроверженія капитализма, но и для созданія и поддержанія коммунистического строя? Г-нъ Пессе въ своей новой программѣ говоритъ о совпаденіи интересовъ фабричныхъ рабочихъ съ интересами мелкихъ крестьянъ и ремесленниковъ. Онъ говоритъ о всеобщей солдатской стачкѣ. Нужно ли понимать это такъ, что онъ взыываетъ здѣсь къ солидарности, выходящей за предѣлы фабричного класса и распространяющейся также и на крестьянъ, составляющихъ въ наше время больший процентъ войска, — этого главнаго оплота капитализма? Но такая внѣклассовая солидарность, пожалуй, и не можетъ быть вызвана классовою борьбою и фабричнымъ законодательствомъ? И если фабричные рабочіе одни не могутъ справиться съ существующимъ строемъ, то колеблется и все ученіе Маркса о томъ, что фабрика вызвала къ жизни тотъ классъ людей, которые одни не только по недовольству своимъ теперешнимъ положеніемъ но и по своимъ привычкамъ труда заинтересованы въ осуществленіи коммунизма, и что потому орудія производства и опредѣляемое ими дѣленіе общества на классы, и борьба этихъ классовъ между собою — истинные двигатели исторіи. А разъ ко-

леблется это учение, то совершенно неосновательно утверждать, что люди могутъ руководиться только своею классовою выгodoю и неспособны къ нравственному самоопределению, и спорить съ Толстымъ, что у крестьянъ нѣтъ другого выхода изъ ихъ тяжелаго положенія, кроме того, чтобы заниматься на работы къ помѣщикамъ, т. е., стать пролетаріями (см. стр. 166 и 167 статьи г-на Поссе).

Г-нъ Поссе называетъ обращеніе Толстого оскорблениемъ рабочаго народа. Но почему? Потому что Толстой слишкомъ многаго требуетъ отъ рабочихъ. Толстой, живя въ условіяхъ первого класса, не можетъ понять истинныхъ нуждъ народныхъ, и потому предлагаетъ народу такія средства освобожденія, которыя являются издѣвателствомъ надъ несчастными. Замѣчательная логика! Какое мнѣніе является болѣе оскорбительнымъ для народа? то ли, что рабочие не въ силахъ понимать ничего, что выходитъ за предѣлы ихъ выгоды, и что потому рабочие, стремясь къ своей выгode, между прочимъ, осуществлять и общее равенство и свободу? или обратно, то, что рабочие могутъ стремиться къ общей свободѣ, даже жертвуя ей своею выгodoю и только кстати, гдѣ можно, улучшая свое положеніе? Какое даже изъ этихъ двухъ разсужденій болѣе доказательно въ смыслѣ возможности осуществленія соціализма? Г-нъ Поссе увлекается идею общей стачки. Но, вѣдь, совершенно противно всему тому, о чёмъ повѣствуетъ намъ исторія, предполагать, что всеобщая стачка въ нѣсколько дней решитъ всѣ вопросы, которые волнуютъ человѣчество чуть ли не съ колыбели. Скорѣе же это будетъ борьба, котройя протянется, можетъ быть, нѣсколько столѣтій, это будетъ не всеобщая стачка, а рядъ всеобщихъ стачекъ, перемежающейся рядомъ всеобщаго подъема духа и унынія, временныхъ побѣдъ и длительныхъ пораженій. И развѣ не ясно, что исходъ такой борьбы можетъ быть успѣшнѣй не

въ зависимости отъ ея выгодъ для борцовъ, (она будеть выгодна не имъ, а будущимъ поколѣніямъ), но только въ зависимости отъ того, въ какой мѣрѣ каждый изъ принимающихъ въ ней участіе способенъ отречься отъ своихъ личныхъ и даже классовыхъ интересовъ ради торжества человѣческой свободы, торжества, котораго ему самому не суждено даже увидѣть?

Обращеніе Толстого къ рабочему народу не только не является его оскорблениемъ, — оно полный довѣрія къ нравственной моши рабочихъ призывъ къ свободной работѣ для лучшаго будущаго; но это только одна его сторона. Другая его сторона, которой г-нъ Пессе тоже не замѣтилъ и не оцѣнилъ, та, что это — обращеніе ко *всему* рабочему народу, а не къ одному только его классу, такъ какъ центральная его мысль состоитъ въ указаніи фабричнымъ рабочимъ на то, что они одни, преслѣдуя свои узко-классовые интересы и воображая себя „несравненно выше грубаго мужика, сельскаго рабочаго“, ничего не добываютъ ни для себя, ни для другихъ. Г-нъ Пессе этотъ призывъ къ объединенію (не пролетарievъ, а всѣхъ рабочихъ) принялъ тоже за оскорблениѣ рабочихъ, не потому, чтобы ему была вовсе недоступна мысль о необходимости такого объединенія, (судя по его новой программѣ, эта мысль доступна ему), но потому, что теорія Маркса съ ея исключительной заботою о „пролетариатѣ“ воспитала въ немъ, какъ она воспитываетъ въ большинствѣ современныхъ интеллигентовъ, даже не изучавшихъ ея, а только знакомыхъ съ нею по наслышкѣ, — преувеличеннное представление о значеніи фабричнаго рабочаго и пренебреженіе къ исторической роли сельскихъ рабочихъ-крестьянъ.

Это пренебреженіе не только къ крестьянству, но и ко всему, что стоитъ къ нему въ какомъ бы то ни было отношеніи, красною нитью проходитъ черезъ

всю систему марксизма. Политическая экономія Маркса исходитъ изъ изученія фабричнаго производства, чтобы затѣмъ только притти къ проблемѣ сельскаго хозяйства; тогда какъ обратно, научное пониманіе экономического быта страны можетъ открыться намъ только тогда, если мы отъ основныхъ данныхъ хлѣбнаго производства и условій жизни его производителя-крестьянинна перейдемъ затѣмъ къ причинамъ, создающимъ изъ крестьянина пролетарія, и, слѣд., все современное фабричное производство съ его законами.*.) Мало того, политическая экономія Маркса вся построена на предположеніи фабричнаго рабочаго, вовсе не интересующагося возвратомъ къ сельской жизни, а поглощенаго только заботою о томъ, какъ получше прожить въ городѣ на фабрикѣ. Трудовая теорія цѣнности сводить всѣ интересы рабочаго къ часамъ работы и къ заработной платѣ, и въ борьбѣ этихъ интересовъ съ интересами капитала Марксъ видѣтъ ключъ къ исторіи Англіи и залогъ лучшаго будущаго. Марксъ въ своихъ построеніяхъ систематически пренебрегаетъ самымъ культурнымъ экономическимъ интересомъ рабочихъ—земельнымъ. А значеніе его громадное: рабочій-соціалистъ, порвавший всякия, даже идейныя связи съ землею, психологически невозможенъ (сравните, напр., чартистовъ съ трэдъуніонистами). И правъ Толстой, говоря: „счастье еще, что такихъ рабочихъ въ Россіи мало“. Толстой упрекаетъ соціализмъ въ недостаточномъ вниманіи къ земельному интересу. Опровергая его, г-нъ Пессе цитируетъ намъ цѣлые страницы изъ Бебеля о томъ, какъ побѣдоносный пролетаріатъ выселится изъ городовъ въ деревни. Но, вѣдь, это только фантазія Бебеля, не имѣющія подъ собою никакой реальной почвы! Извѣстно, что изъ крестьянина

---

*.) Рабство нашего времени, стр. 19-23.

всегда легко сдѣлать порядочнаго фабричнаго рабочаго, тогда какъ обратное превращеніе бываетъ по-чти невозможно. Рабочіе въ городѣ отвыкаютъ отъ деревни. Въ этомъ то и несостоятельность Бебелевої утопіи, что въ ней земельный интересъ является какъ *deus ex machina* послѣ побѣды городскихъ рабочихъ, въ борьбѣ которыхъ онъ теоретически не игралъ никакой роли.

Спорятъ о томъ, совпадаютъ ли интересы фабричнаго пролетаріата съ интересами крестьянина. Интересы городскаго рабочаго, конечно, враждебны интересамъ крестьянина, уже потому, что фабричная промышленность безспорно разоряетъ сельское населеніе и приижаетъ уровень его жизни: вѣдь, если бы въ деревнѣ жилось лучше, чѣмъ въ городѣ, то никто бы не пошелъ въ *городъ на фабрики*. Такъ что капитализмъ неизбѣжно связанъ съ искусственнымъ ухудшеніемъ положенія крестьянина: подати, воинская повинность, захватъ земли, — зло, которое не искупаются ситцами и керосиновыми лампами, вопреки всѣмъ увѣреніямъ г-на Поссе: вѣдь, крестьянинъ идетъ готовить ситцы и лампы и покупаетъ ихъ потомъ не потому, чтобы онъ сталъ богаче и свободно рѣшилъ, что это ему выгоднѣе, чѣмъ ткать холсты и жечь лучину, а потому что его „заставляетъ жестокая нужда“ и потому, что его дѣти „въ скуфеечкахъ, передъ скорою голодною смертью, старчески улыбаются, суча ножками.“^{*)}) Но помимо этого искусственнаго гнета^{**)}) жизнь въ деревнѣ естественнѣе городской, и если городской рабочий не забылъ этого, его интересы совпадаютъ съ крестьянскими: тогда вопросъ и для того, и другого не тотъ, какъ добиться „грошовыхъ прибавокъ“, а первымъ дѣломъ и главное, — какъ на земль всѣмъ устро-

^{*)} См. Рабство н. вр., стр. 21

^{**)} Воскресеніе, изд. „Св. Слова“, стр. 241.

иться получше?*) Впрочемъ все это, можетъ быть, и не такъ, и весьма вѣроятно, что если бы только г-нъ Пессе серьезно отнесся къ намѣченнымъ здѣсь проблемамъ обращенія „Къ рабочему народу“, онъ бы лучше насъ разобрался въ этихъ спорныхъ пунктахъ и помогъ этимъ и намъ, и многимъ другимъ хорошимъ людямъ, незнакомымъ, какъ г-нъ Пессе, и съ Марксомъ, и съ Толстымъ, уяснить себѣ задачу своей жизни и тѣмъ ускорить побѣду свѣта надъ мракомъ, знавія и добра надъ невѣжествомъ и зломъ. Къ сожалѣнію, г-нъ Пессе выбралъ для своей критики Толстого, можетъ быть, и болѣе легкій, но менѣе благодарный и благородный путь памфлета Выбиралъ ли г-нъ Пессе вполнѣ сознательно и свободно, — это, конечно, его дѣло; а былъ ли выборъ его удаченъ, — это, какъ сказалъ Сократъ своимъ судьямъ, — покажетъ будущее.

А теперь нѣсколько словъ *pro domo mea*. Г-нъ Пессе наградилъ меня насыпливымъ титуломъ „ученаго референта“ за тѣ цитаты, которыя я приводилъ противъ него въ своемъ рефератѣ изъ произведеній Маркса и Энгельса, а также Каутскаго и другихъ представителей современной соц. дем. мысли. И въ то же время, на мой упрекъ въ ненаучности его изложенія, онъ отвѣчаетъ, что обращеніе „Къ рабочему народу“ „не можетъ претендовать на особую научность; выдвигать противъ него „Капиталъ“ Маркса было бы крайне (!) неудобно“. (?) (1) Но, отвѣчая такъ, онъ

*) Замѣчательно, что Марксъ, провозглашившій въ „Манифестѣ“, что „вся исторія общества была борьбою классовъ“, въ „Капиталѣ“ (I, 317) мимоходомъ бросаетъ замѣчаніе, что вся экономическая исторія общества сводится къ движеніямъ противорѣчій между городомъ и деревнею (ср. также Kapital, III, 2, 1894, S 173, 317-18, 374). Интересно также, что первоначальное значеніе слова „буржуа“ было городской житель. „Камень, который отвергли строители, станетъ главою угла“.

(1) Мы видѣли уже, что г-нъ Пессе взялъ цитату о законодательствѣ и вырожденіи изъ „Капитала“; но онъ не ссылается на него открыто.

игнорируетъ то, что я уже ставилъ ему на видъ: г-нъ Пессе самъ, вѣдь, избралъ для своей критики путь наименьшаго сопротивленія, направивъ ея убийственные удары не противъ такихъ сочиненій Толстого, какъ „Царство Божіе“, „Въ чёмъ моя вѣра?“ хотя бы даже „Рабство нашего времени“, а противъ коротенькой, популярной брошюры. И наконецъ, никто, вѣдь, и не просилъ г-на Пессе тревожить тѣнъ великаго Маркса, низводя ее до участія въ спорѣ съ такимъ „человѣкомъ изъ толпы“, (подлинныя слова г-на Пессе, удаленные имъ изъ печатнаго оттиска, должно быть, „подъ впечатлѣніемъ извѣстій о тяжелой болѣзни Льва Николаевича“), — какъ этотъ „графъ Толстой“. (1) Вѣдь, я объяснялъ г-ну Пессе, что дѣло, конечно, не въ томъ, чтобы блестать цитатами, что я прибѣгалъ къ нимъ не изъ тщеславія, а единственно по своему невыгодному положенію человѣка, принужденнаго говорить, о мнѣніяхъ, съ которыми онъ несогласенъ, и въ основательномъ знакомствѣ съ которыми его, поэтому, могли заподозрить. Я указалъ г-ну Пессе на то, что, вотъ, Толстой цитируетъ только Евангелие, выражаетъ свои мысли болѣе, чѣмъ просто, — простонародно, — что такого друга народа, какъ г-нъ Пессе, даже коробить, какъ всякое пустословіе, — и всетаки въ мысляхъ Т-ого есть система, какъ признаютъ это даже противники (я сослался на слова нѣмецкаго профессора и ассесора суда P. Elzbacher'a: „der strenge Gedankenbau Tolstois“; см. его книгу: „Der Anarchismus“, S. 15). Г-нъ Пессе могъ бы не цитировать — не только что Маркса, — Бебеля, во всякомъ случаѣ, не такъ часто и длинно, — бѣда, конечно, не въ этомъ, а въ томъ, что ссылки его на Бебеля были неудачны, — такъ что я даже невольно проникся жалостью къ „этой несчастной „Женщинѣ“ несчастнаго Бебеля“. Несчастный Бебель превратился у г-на Пессе въ „жалкаго“, и вотъ, на меня въ „Нѣкоторыхъ поясненіяхъ“ посыпались упреки за такое мнимое отсутствие уваженія къ Бебелю. Это, конечно, недоразумѣніе. Я очень уважаю почтеннаго, хотя и нѣсколько мечтательного вожака нѣмецкой соціальной демократіи. Книга его для меня, дѣйствитель-

---

(1) Г-нъ Пессе не помнить, гдѣ Толстой отрекся отъ графскаго титула. Пусть онъ прочтеть: „Въ чёмъ моя вѣра?“ Изд. Елпидина стр. 244; „Изд. Св. Сл.“ стр. 204: „не могу, какъ я прежде это дѣлалъ, признавать ни за собою, ни за другими никакихъ званій, чиновъ и наименованій, кроме званія и имени человѣка“. — Г-нъ Пессе обращаетъ больше вниманія на обложку сочиненій Т-ого, чѣмъ на ихъ содержаніе.

но, иенаучна, но не потому, чтобы я считалъ ея автора „жалкимъ“, и не потому, что она „популярна“ (странны противополагать популярность научности, — теперь уже никто не пишетъ по латыни), но потому, что она *субъективна* и во многомъ (нпр., въ обоснованіи свободной любви) бездоказательна. Вотъ почему и г-нъ Поссе, изучивши ее, заразился, правда, ея *настроениями*, но не сумѣлъ понять, гдѣ въ ней кончается чувство и начинается метода, и вотъ почему и статья г-на Поссе такъ сильно пропитана *мелодраматическимъ паѳосомъ* и такъ мало проникнута научно-философскимъ единствомъ.

Дальше: возражая мнѣ на мой упрекъ въ томъ, что онъ слишкомъ злоупотребляетъ цитатами изъ Бебеля, что г-нъ Поссе понялъ, какъ мы уже знаемъ, какъ требование отъ него цитать изъ всевозможныхъ сочиненій, г-нъ Поссе указалъ мнѣ въ свое оправданіе на то, что онъ цитировалъ еще и „Эрфуртскую Программу“ и даже „Манифестъ Коммунистической Партии“. На это я сначала внялъ г-ну Поссе недоразумѣніе о цитатахъ, а затѣмъ прибавилъ еще и то, что въ основѣ „Эрфуртской программы“ лежать научные труды Маркса, а не книга Бебеля. „Это такъ — соглашается теперь со мною г-нъ Поссе въ своихъ „Поясненіяхъ“, среди сочиненій, которыхъ Каутскій въ Предисловіи къ „Эрфуртской Программѣ“ перечисляетъ, какъ необходимы для пониманія современного соціализма, наряду съ основными трудами Маркса и Энгельса значится и „Женщина и соціализмъ“ Бебеля“. — Это такъ, — соглашусь и я съ г-номъ Поссе. Но, вѣдь, необходимое еще не значитъ: достаточное. Никто не ставилъ въ упрекъ г-ну Поссе, что онъ читалъ „Женщину“ Бебеля (я и самъ, вѣдь, ее читалъ въ свое время и, помню, она мнѣ очень понравилась тогда): я только хотѣлъ ему показать на примѣрѣ Каутского, что для того, чтобы не только сочувствовать соціализму, но и писать о немъ, нужно усвоить себѣ хорошенъко теорію Маркса, и что одной „Женщины“ для этого слишкомъ мало. Но, видно, я слишкомъ мягко выразилъ тогда эту мысль, такъ что г-нъ Поссе не понялъ, въ чей огородъ я бросалъ камушекъ.

Теперь о „Манифестѣ“. Ссылка на главу о „феодальномъ соціализмѣ“ въ примѣненіи къ Толстому мнѣ показалась неслыханнымъ анахронизмомъ, и я сказалъ г-ну Поссе, что мало было прочесть „Манифестъ“, надо было прочесть и Предисловіе къ нему, и тогда онъ увидѣлъ бы, что ссылаться на послѣднія главы „Манифеста“ надо съ осторожностью. Г-нъ Поссе заключаетъ отсюда, что я, несомнѣнно „въ Предисловіе заглянулъ, а самого Мани-

феста не прочелъ“, и что „замѣчаніе Маркса и Энгельса объ устарѣлости нѣкоторыхъ подробностей относится совсѣмъ не къ тому мѣсту“, которое г-нъ Пессе цитируетъ „и даже не къ той главѣ, гдѣ находится мѣткое опредѣленіе феодалистического соціализма“.

На это мнѣ остается только повторить г-ну Пессе свой совѣтъ прочесть Предисловіе, и именно: впервыхъ, *все* Предисловіе, а не то, что г-ну Пессе въ немъ нравится, — и во вторыхъ, не только то Предисловіе, которое написали къ Манифесту Марксъ и Энгельсъ, а и то, которое представляетъ изъ себя исторія „Манифеста“.

Глава III „Манифеста“, въ которой находится спорное мѣсто, озаглавлена: „Соціалистическая и Коммунистическая Литература“, и въ Предисловіи Маркса и Энгельса говорится дословно:

„Критика соціалистической литературы недостаточно полна (luckenhaft) для настоящаго времени, т. к. она доходитъ только до 1847 года“ а это значитъ, что не всѣ современные теченія соціалистической мысли можно объяснить, подводя ихъ подъ рубрики и даже подъ отдельныя фразы Манифеста.

Г-нъ Пессе выхватилъ наудачу два мѣста изъ Манифеста, которые по встрѣчающимся въ нихъ словамъ (попъ, христіанство) показались ему подходящими къ Толстому; онъ не только не отдалъ этихъ двухъ мѣсть точками, но даже такъ искусно (помощью красной строки и вводного предложения: говорится *далее*) замаскировалъ ихъ разъединенность, что кто плохо помнитъ „Манифестъ“, тотъ только справившись съ текстомъ можетъ убѣдиться, что между двумя цитированными г-номъ Пессе мѣстами стоять слѣдующія фразы, не столько проливающія свѣтъ на то, кого понимали Марксъ и Энгельсъ подъ соціалистами, сколько не оставляющія никакого сомнѣнія въ томъ, что съ исторической, а не просто „литературной“ точки зрѣнія характеристика Маркса и Энгельса никакъ не можетъ быть примѣнена къ Толстому. Вотъ эти фразы:

„Часть французскихъ легитимистовъ и „молодая Англія“ разыграли эту комедію наилучшимъ образомъ“....

....„Феодалы утверждаютъ, что ихъ способъ эксплуатации имъль⁽¹⁾ другой видъ, чѣмъ современная буржуазная эксплуатация“.. „Они упрекаютъ буржуазію гораздо болѣе въ томъ, что она породила революціонный (2) пролетариатъ, чѣмъ въ томъ, что она создала пролетариатъ вообще“. (3)

(1) Курсивъ мой.

(2) Курсивъ въ подлинникѣ.

(3) В. Г. Чертковъ въ № 3 Св. Слова говоритъ: „Ошибка рево-

УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Л. Н. ТОЛСТОГО

напечатанныхъ за періодъ отъ 1897 г. до 1902 г. въ изданіяхъ

„СВОБОДНАГО СЛОВА“.

	Р. К.
Послѣсловіе къ воззванію „Помогите!“	— 12
Письмо къ начальнику дисциплинарного батальона въ брошюрѣ: „Письма П. В. Олховика“	— 40
Какъ читать Евангеліе и въ чемъ его сущность?	— 12
Приближеніе конца	— 12
Къ редактору нѣмецкаго журнала	
Къ либераламъ	
Къ редактору англійской газеты	
Три письма подъ заглавіемъ „Объ отношеніи къ Государству“	— 20
Царство Божіе внутри васъ (2-ое изданіе)	1 —
То же съ портретомъ автора (1902 г.)	1 0
Христіанское ученіе	— 50
Carthago delenda est (статья противъ войны) въ сборникѣ „Свободнаго Слова“ № 1.	1 —
Голодъ или не голодъ 1898 г?	— 10
Двѣ войны, статья въ „Листкахъ Свободнаго Сло- ва“ № 1.	— 20
Три фазиса жизни. Изъ частныхъ писемъ въ „Листкахъ Свободнаго Слова“ № 2	— 20
Послѣсловіе къ книжкѣ: Жизнь и смерть Дрожжина	— 75
Николай Палкинъ	
Работникъ Емельянъ	
Дорогое стоять	
Послѣднія три произведенія въ одной брошюрѣ	— 20
Дополненія и исправленія къ русскому изданію, искаженному цензурой „Что такое искусство?“ (въ сборникѣ Свободнаго Слова № 2)	1 —
Требованія любви, статья въ Листкахъ Свобод- наго Слова № 3	— 30
Воскресеніе, романъ въ одномъ томѣ	1 50
Воскресеніе въ двухъ томахъ, съ иллюстраціями и въ переплѣтѣ	5 —
„Стыдно!“ въ Листкахъ Свободнаго Слова № 4	— 5
Письмо къ фельдфебелю, въ Лист. Свободнаго Слова № 5	— 5
По поводу конгресса о мирѣ, статья въ Лист- кахъ Свободнаго Слова № 6	— 15
„Экзекуція“ и „Въ казематѣ“, два выпущенныхъ отрывка изъ ром. „Воскресеніе“, въ Лист. Свобод. Сл. № 11	— 10
По поводу Трансвальской войны, въ Листкахъ Свободнаго Слова № 11	— 10
О самоубійствѣ, въ Листкахъ Свобод. Слова № 11	— 10
О религіозномъ воспитаніи. Письмо въ Л. С. С. № 12	— 10
О церковномъ обманѣ, письмо въ Л. С. С. № 12	— 10

Жизнь и учение Иисуса	— 25
Патротизмъ и правительство	— 20
Мысли о Богѣ, собранные изъ писемъ и дневниковъ за періодъ 1885 — 1900 г.	— 50
Не убий, по поводу убийства короля Гумберта	— 10
Рабство нашего времени	— 50
Гдѣ выходъ? статья въ Л. С. С. № 18	— 20
Неужели это такъ надо? (Въ чемъ корень зла?)	— 30
Два письма къ П. В. Веригину (о грамотности въ выпускѣ I-омъ Матеріаловъ къ исторіи и изученію русскаго евангельства)	1 —
О смыслѣ жизни, мысли собранная изъ писемъ и дневниковъ	— 40
Царю и его помощникамъ. Обращеніе. Въ Листкахъ Свободнаго Слова № 12	— 15
Отвѣтъ Синоду, въ Л. С. С. № 22	— 15
Письмо Николаю II. (1901 г.) въ Л. С. С. № 23	— 40
Изложеніе Евангелія, съ примѣчаніями, взятыми изъ книги: „Соединеніе и переводъ 4-хъ Евангелій”	1 50
О половомъ вопросѣ, мысли изъ писемъ и дневниковъ	— 50
Единственное средство, статья въ Л. С. С. № 24	— 25
Исповѣдь, въ I-омъ томѣ полнаго собрания сочиненій	— 75
То же на бумагѣ antiqua	1 25
Въ чемъ моя вѣра? въ VII томѣ полн. собр. соч.	1 50
То же на бумагѣ antiqua	2 —
Такъ чо-жъ намъ дѣлать? въ VIII томѣ	1 75
То же на бумагѣ antiqua	2 25
О разумѣ, вѣрѣ и молитвѣ, три письма	— 25
О вѣротерпимости	— 15
Солдатская памятка	— 15
Офицерская памятка	— 15
Что такое религія и въ чемъ сущность ея?	— 60
...ысли о воспитаніи и обученіи.	— 30
О толстовствѣ, О франко-русскомъ союзѣ, Письмо редактору болгарской газеты, въ періодическомъ обозрѣніи „Свободное Слово“, № 1	— 40
Письмо къ двумъ министрамъ, Письмо къ французскому пастору, Письмо къ православному священнику, Письмо о „толстовскомъ обществѣ“, Письмо о „Народныхъ Листкахъ“, въ періодическомъ обозрѣніи „Свободное Слово“, № 2	— 40
Отношеніе къ правительству и существующему строю, О преподаваніи катехизиса и другія письма въ період. обозр. „Свободное Слово“, № 3	— 40

Пересылка на счетъ Издательства.

Желающимъ получать наши изданія по ихъ чинѣ, опубликованной въ этомъ спискѣ, могутъ обращаться письменно прямо по адресу нашего главнаго склада:

A. Tchertkoff. Christchurch, Hants, England.